https://doi.org/10.48417/technolang.2025.01.12
Research article

The Electronic Matchmaker: Finding the Optimal Couple in the Late USSR

Mikhail Kulagin[1] and Mikhail Zimirev[2] (✉)
[1]National Research University "Higher School of Economics", Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
[2]Moscow Institute of Physics and Technology, Institutskiy lane, 9, Dolgoprudny, 141701, Moscow, Russia
zimirev.mo@mipt.ru

Abstract
The article is devoted to the history of the discussion about the acceptability of using computers to find the optimal romantic couple. The conditions that enabled it were the recognition of loneliness as an independent problem requiring modern solutions in the late 1960s, as well as the spread of cybernetic discourse, by the early 1970s associated with effective expert judgments. The discussion unfolded on the pages of the main intelligence newspaper of the USSR, the *Literary Newspaper* (LG), in the 1969-1971's, and in the 1975-1978's it went beyond its borders, covering several central and local publications, the main of which were *Nedelya* and *Moskovsky Komsomolets*. The aim of this article is to identify the technocratic shift in the problematization of family and marital relationships in the 1960s–1980s. Special attention is paid to the design of the speculative technology of the "electronic matchmaker" by prominent Soviet cyberneticians Viktor Pekelis and Axel Berg directly in the pages of LG. "electronic matchmaker". His opponents pointed out the uncritical nature of belief in expert mathematical models loaded into computers. The analysis of correspondence sent to LG by Novosibirsk sociologist Vladimir Shlyapentokh confirmed the high level of trust of single people in a technical way to solve their problem. However, after the publication of an anonymous note in *Pravda*, the discussion was closed. The second stage of the discussion, which began after four years of silence, is described by the authors as the result of the articulation of algorithmic rationality and psychology. The initial attempts to create the "electronic matchmaker" during this period were linked to the work of an experimental dating service led by psychologist Arkady Egides and the self-report questionnaires he developed. Designed according to the template of psychological personality tests, the questionnaire, serving as a tool for translating personal qualities into quantitative characteristics, became the cornerstone of computer-based dating services that emerged in the early 1980s. In conclusion, the discussion surrounding the "electronic matchmaker", conceived as a modern method for combating loneliness, did not stimulate a radical rethinking of family norms and gender orders in late Soviet society. Instead, its technological design and epistemic framework served to conserve traditional notions of the family.

Keywords: Loneliness, Cybernetics, Dating service, Computer, Speculative technology, Subjectivity, Sociotechnical imaginary

Citation: Kulagin, M., & Zimirev, M. (2025). The Electronic Matchmaker: Finding the Optimal Couple in the Late USSR. *Technology and Language*, *6*(1), 167-186. https://doi.org/10.48417/technolang.2025.01.12

© Kulagin, M., & Zimirev, M. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

УДК 007:001.32(09); 378.4
https://doi.org/10.48417/technolang.2025.01.12
Научная статья

Электронная сваха: Поиск оптимальной пары в позднем СССР

Михаил Сергеевич Кулагин[1] и Михаил Олегович Зимирев[2] (✉)
[1]Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, ул. Мясницкая, 20, 101000, Москва, Россия
[2]Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Долгопрудный, Институтский пер., 9, 141701, Москва, Россия,
zimirev.mo@mipt.ru

Аннотация
Статья посвящена истории дискуссии о допустимости использования ЭВМ для поиска оптимальной романтической пары. Условиями ее возможности стали открытие в конце 1960-х гг. одиночества в качестве самостоятельной проблемы, требующей современных решений, а также распространением кибернетического дискурса, к началу 1970-х гг. ассоциируемого с эффективными экспертными решениями. Дискуссия разворачивалась на страницах главной интеллигентской газеты СССР – “Литературной газеты” (“ЛГ”), в 1969–1971-х гг., а в 1975–1978-х гг. вышла за ее пределы, охватив несколько центральных и местных изданий, главными из которых были “Неделя” и “Московский комсомолец”. Цель статьи – выявить технократическое смещение в проблематизации семейно-брачных отношениях в 1960–1980-е гг. Особое внимание уделено проектированию спекулятивной технологии “электронной свахи” видными советскими кибернетиками Виктором Пекелисом и Акселем Бергом прямо на страницах “ЛГ”. Оппоненты “электронной свахи” указывали на некритический характер веры в экспертные математические модели, загружаемым в ЭВМ. Проведенный новосибирским социологом Владимиром Шляпентохом анализ корреспонденции, присылаемой в “ЛГ”, подтвердил высокий уровень доверия одиноких людей к техническому способу решения их проблемы, однако, после публикации критической заметки в “Правде”, дискуссия была свернута. Второй этап дискуссии, начавшийся после четырехлетнего молчания, описывается авторами как результат сочленения алгоритмической рациональности и психологии. Приходящиеся на этот период первые подходы к созданию “электронной свахи” были связаны с работой экспериментальной службы знакомств под руководством психолога Аркадия Егидеса и разрабатываемыми им анкетами-самоотчетами. Составленная им по шаблону психологических личностных тестов, анкета, будучи инструментом перевода личностных качеств в количественные характеристики, стала краеугольным камнем служб знакомств с ЭВМ, появившихся в начале 1980-х гг. Делается вывод о том, что дискуссия вокруг “электронной свахи”, проектируемой в качестве современного метода борьбы с одиночеством, не стимулировала радикальных переосмыслений семейных норм и гендерных порядков позднесоветского общества, а ее технологический дизайн и эпистемическая оснастка работали на консервацию традиционных представлений о семье.

Ключевые слова: Одиночество, Кибернетика, Служба знакомств, ЭВМ, Спекулятивная технология, Субъективность, Социотехническое воображаемое

Для цитирования: Кулагин М. С., Зимирев М. О. Электронная сваха: Поиск оптимальной пары в позднем СССР // Technology and Language. 2025. № 6(1). 167-186. https://doi.org/10.48417/technolang.2025.01.12

© Кулагин М. С., Зимирев М. О. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

ВВЕДЕНИЕ

В позднесоветской прессе читательским письмам уделялось значительное внимание. О работе с ними отчитывались в ЦК, а их содержание могло послужить материалом для будущих публикаций и общественно значимых обсуждений (Huxtable, 2022; Kozlov, 2013). Так и письмо учащихся одного московского ПТУ в журнал “Техника – молодежи” в 1979 г. побудило редакцию собрать за “круглым столом” социологов, сексологов, психологов и писателей. Ключевой вопрос письма, определивший заглавную тему собрания в журнале, звучал так: “Действительно ли ЭВМ когда-нибудь сможет прогнозировать устойчивость брака?”.

Как неудивительно, десятилетием ранее популяризатор кибернетики Виктор Пекелис уже дал ответ. В статье 1969 г. “Советчик в любви” он положительно оценил предсказательные способности машин в области подбора спутника жизни. Описанная им технология, имевшая зарубежные корни, была локализована под незамысловатым названием: “электронная сваха”. В этом стремлении к ассистированному выбору партнера, которое наблюдалось как на заре 1970-х гг., так и на их излете переплелись позднесоветское отношение к технике, плавно дрейфующее от техноптимизма хрущевской поры к техноскептицизму начала 1980-х гг., образы будущей эпохи НТР, представления о браке, гендерном строе и моральном порядке. “Электронная сваха”, которая станет предметом рассмотрения данной статьи, вплоть до появления первых прототипов на пороге Перестройки была спекулятивной технологией (Kotomina and Milburn, 2024), научно обоснованной виртуальной реакцией на реальные социальные проблемы позднего СССР.

Если в 1920-х гг. приблизить наступление коммунизма были призваны электростанции, линии электропередач и лампочки, то в послевоенном Советском Союзе путь к светлому будущему прокладывали уже другими средствами. Среди них нефтяные скважины и энергосети, получившие импульс развития в период освоения в 1960–1970-х гг. “молодых” месторождений Сибири, атомные ледоколы и электростанции, ознаменовавшие претензии СССР на лидерство в “атомном веке”. Как показывают социальные исследователи советского, все эти проекты – электрический, нефтяной, атомный – задавали коллективное видение желаемого будущего, опосредованного формами социального порядка, воплощавшихся в достижениях науки-техники, то есть формировали социотехническое воображаемое эпохи (Калинин, 2022; Калинин и др., 2022; Орлова, 2018).

Фантазия о машине, возникшая во время дискуссии о средствах помощи одиноким, которая способствовала бы заключению устойчивых браков, аккумулировала коллективные представления о текущих и будущих формах социальной организации. Продолжая линию на адаптацию концепции “социотехнического воображаемого” Шейлы Ясанофф (Beck et al., 2021; Jasanoff, 2015) к материалу советской истории, мы будем видеть в этой спекулятивной технологии проективную множественность желаемых преобразований социалистической реальности, сопряженную с достижениями науки-техники и позднесоветской социальностью. Мы сосредоточимся на ходе публичной

дискуссии, дисциплинарной принадлежности участников; обозначим, какими символическими значениями “электронная сваха” наделялась, для каких целей ее предлагали использовать и каких результатов от нее ожидали. На материалах советской прессы 1960–1980-х гг., архивных документов и экспертных интервью мы продемонстрируем, что “электронная сваха” как спекулятивная технология имела гетерогенное устройство, а дискуссии вокруг нее были местом разработки моделей семейно-брачных отношений.

В соответствии с марксистской доктриной семейные отношения и гендерные порядки должны были идти вслед за развитием материально-технического базиса. Однако ни советская социальная (Galmarini-Kabala, 2016), ни гендерная политики (Здравомыслова и Темкина, 2003) на протяжении второй половины XX века не претерпевали столь существенных трансформаций, чтобы потрясти воображение современников и быть представленными рядом с достижениями науки и техники. Хотя исследователи семейных отношений фиксируют динамику изменений в послевоенной семейной политике в СССР (Nakachi, 2021), наметившаяся в 1960-е годы тенденция к применению технократических решений в области демографии не получила должного внимания. Цель нашей статьи – на примере истории проектирования “электронной свахи” выявить технократическое смещение в проблематизации семейно-брачных отношениях в 1960–1980-е гг., попутно указывая на возрастание роли экспертных решений в позднем СССР.

Теоретик и разработчик искусственного интеллекта Йозеф Вейценбаум первым поставил вопрос о поразительной готовности людей делегировать, казалось бы, специфические человеческие функции – судить, терапевтировать, подбирать партнера – технике (Weizenbaum, 1976). Проблематизируя границы человеческого и машинного, он предостерегал от необоснованного технооптимизма, показывая, что эффективные алгоритмы с легкостью могут выступить инструментом консервации существующих институтов и практик, которые препятствуют социальному прогрессу и модернизации (Weizenbaum, 1995). Следуя за Вейценбаумом, мы будем задавать вопросы о том, как в СССР решали вопрос технологического отчуждения при поиске “оптимального партнера” и не проявлялась ли в спекулятивной технологии “электронной свахи” тенденция к консервации существующих брачных традиций и гендерных порядков.

“ОТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА – К ЖИЗНИ НАРОДА”

Появление “электронной свахи” стало возможным благодаря поддержке со стороны советского кибернетического движения. Идеи кибернетики – науки об управлении, обратной связи и самоорганизации живых и неживых системах – проникли в СССР в начале 1950-х гг. (Gerovitch, 2002). Их реципиентами были советские пионеры вычислительной техники из военных НИИ и КБ, а противниками – философы и научные бюрократы, усмотревшие в кибернетике угрозу диалектическому материализму как метатеории развития естественнонаучных знаний (pp. 21–33). Ситуация начала меняться в период “Оттепели”, хрущевских экономических экспериментов по децентрализации

управления страной, а также выведения Академии наук к 1961 г. из-под диктата отраслевых министерств с правом для ученых свободно заниматься фундаментальными исследованиями. Благодаря сетевому распространению новых знаний, финансовой поддержке оборонных НИИ и усилиям координационных центров (Peters, 2012; Зимирев, 2023) с конца 1950-х гг. спектр гражданского применения методов и техники, попавших под зонтичное понятие “кибернетических”, непрерывно расширялся.

Так, ключевое для нашего исследования понятие оптимальности вышло из математической плоскости в социальную благодаря усилиям нобелевского лауреата Леонида Канторовича и его методом линейного программирования, применяемых советскими математическими экономистами в 1950–1960-е гг. для разработки теории оптимального планирования (Leeds, 2016). В то же время оптимизация проникает в советское градостроительство (West, 2019) и в советское образование (Boretska, 2019; Зимирев, 2024). К середине 1960-х гг. советский компьютерный парк включал в себя разнообразные разработки: машины-переводчики, электронные библиотечные каталоги, автоматы-шахматисты, системы навигации для судов, инструменты для поиска полезных ископаемых, машины для диагностики заболеваний и многое другое. Ключевой же проблемой масштабного проникновения кибернетики в жизнь советского человека оказалось не столько техническое несовершенство компьютерного парка, сколько особенности советской политики заботы о данных.

Максималистские проекты применения ЭВМ в экономическом планировании столкнулись с тем, что контрагенты попросту фальсифицировали показатели выполнения плана, а Госплан, ЦСУ и Политбюро ожидали от компьютеров в лучшем случае усовершенствование работы их ведомств (Сафронов, 2020, с. 22–41). Внедрению автоматических систем управления на производстве сопротивлялись особенно активно в эпоху Косыгинских реформ, поскольку установление машин требовало расширения площадей предприятий и приостановки действующих конвейеров, что очевидно сказывалось на выполнении плана (“Проблемы применения АСУ”, 1970, с. 128–164). Разрыв между монументальным единством дискурса научно-технического прогресса и точечным – экспериментальным, ведомственным, кустарным – ходом компьютеризации, к началу 1970-х гг. был характерен и для ряда стран социалистического блока (Eyal, 2000, p. 49–92; Petrov, 2023, p. 183–226) и определял сложившуюся политическую конъюнктуру “социализма с человеческим лицом”. Инженерно-техническая интеллигенция получала рабочие места и возможность ограниченного экспертного влияния на принимаемые решения в экономической, технологической, экологической и культурной политиках; власть – идеологическую альтернативу и инструмент контроля над прорыночными и националистическими настроениями среди интеллигенции (Eyal, 2000; Babička, 2023).

Хотя к концу 1960-х гг. на компьютеризацию всего народного хозяйства уже не питали надежд, институциональная база советской кибернетики, сформированная в этот период, никуда не исчезла. К началу 1970-х гг. бывший замминистра обороны, а с 1959 года – председатель координационного Научного

совета по кибернетике при Президиуме АН СССР Аксель Берг в попытках реанимировать общественные амбиции кибернетики обратился к популярному в начале 1960-х гг. писателю, журналисту и футурологу Виктору Пекелису. Член редколлегии крупнейшего в СССР научно-популярного журнала “Техника – молодежи” Пекелис обрел популярность благодаря книгам о прошлом, настоящем и будущем компьютерных технологий. Со страниц его “Кибернетической смеси” читатели узнавали о современной бионике, принципах работы машин-судей, математически выверенных формулах поэзии и прозы, а также о конторах электронных знакомств (Пекелис, 1970). И хотя академик Берг высказывал критические замечания Пекелису, обращая внимание на бессистемное микширование тем, фактические ошибки и устаревшие данные (“Пекелису Виктору Давыдовичу,” 1967, Л. 1), последний оставался самым тиражируемым и издаваемым автором среди советских популяризаторов кибернетики.

Поэтому именно с сотрудничества Пекелиса и координатора гражданской кибернетики Берга мы отсчитываем технократический разворот от масштабных проектов компьютеризации народного хозяйства к личной жизни советских граждан. В социотехническом воображаемом кибернетиков академические институты превращались в крупные аналитические центры, работающие по своей творческой инициативе или общественным запросам над проблемами раскрытия человеческого потенциала, профессионального и личностного самосовершенствования (Пекелис, 1973). А рассматриваемая нами спекулятивная технология “электронных свах” открывала новые перспективы применения компьютерной техники, вновь делая кибернетику частью значимых общественных дискуссий и одновременно предоставляя одиноким людям надежду на техническое решение их проблемы.

ОТКРЫТИЕ ОДИНОЧЕСТВА В СССР

Идея использования кибернетики для решения проблем личной жизни пришла в СССР вместе с открытием одиночества. Оно началось с газетной статьи Мирославы Ректорисовой о чехословацком опыте. Опубликованный в № 23 “Литературной газеты”[1] за 1967 г. материал рассказывал о службах знакомств в ЧССР, в которых при содействии психолога, помогавшего заполнять опросник для знакомства, и ЭВМ, производившей поиск по картотеке подходящих кандидатов, соединялись одинокие сердца (Ректорисова, 1967, с. 13).

Статья вызвала широкий отклик читателей, призывавших к скорейшему воспроизведению опыта чехословацких друзей на советской земле. Редакция газеты не спешила выступать в поддержку заграничного новшества, организовав закрытый круглый стол для выяснения причин появления одиноких людей в Советском Союзе и возможности трансфера зарубежной технологии. Пестрый состав литгазетовских экспертов включал социологов, сексологов, юристов,

[1] Далее – “ЛГ”, “Литгазета”.

писателей и журналистов, занимавшихся исследованиями взаимоотношения полов[2].

Участники дискуссии, опираясь на демографическую трактовку одиночества, предложенную Ректорисовой и свои экспертные знания, предлагали разные способы проблематизации феномена, который прежде числили исключительно за странами капиталистического лагеря. В спорах о причинах одиночества в СССР и пригодности зарубежных средств социалистической морали одной из главных тем стал вопрос о возможности и потенциальных границах применения ЭВМ в службах знакомств. Существовавшая за границей технология в результате журналистского трансфера из реальной стала спекулятивной. Обозначилось два идейных лагеря: технопессимистов и технооптимистов.

Технопессимисты заняли в дискуссии позицию “лириков”, защищая романтические отношения от упрощения и технического отчуждения. Сексопатолог Павел Посвянский, в целом поддерживавший организацию учреждений для подбора пар, не допускал использования ЭВМ. Для ее работы понадобились бы научно обоснованные критерии совместимости, а сложность человеческих чувств, как полагал ученый, не поддается квантификации (“Стенограмма заседания,” 1967, Л. 36). Ему вторил писатель Николай Атаров. Выступив с критикой “безнравственной” (Л. 36) кибернетики, писатель приравнял выбор невесты с помощью ЭВМ к машинному стихосложению, в котором “нет никакой поэзии” (Л. 69). Рассматривая социальную проблему с “позиций гуманистических” (Л. 65), они видели в ЭВМ угрозу субъективности. Машинный поиск создавал ненужный комфорт, лишая пользователя необходимого опыта неудач.

Большую часть участников составляли технооптимисты, но и среди них не было единства относительно пределов задействования машин. Адвокату Аркадию Ваксбергу и писателю Александру Смирнову-Черкизову ЭВМ представлялась нейтральным средством упрощения ручного труда, используемым для регистрации посетителей и систематизации данных (“Стенограмма заседания,” 1967, Л. 41, 45). Сексопатолог Георгий Васильченко и социолог Арон Дондыш расширяли автономию ЭВМ. Первый допускал возможность ее применения для поиска нескольких подходящих кандидатов внутри картотеки, оставляя при этом окончательный выбор за пользователем (Л. 53). Второй же, ссылаясь на опыт использования ЭВМ для постановки медицинских диагнозов и планирования хозяйства, предлагал применять ее для “прогнозирования [прочности] будущей семьи” (Л. 42). Радикальнее всех оказался психиатр Анатолий Добрович. В его репликах ЭВМ оказывалась не просто инструментом подготовки личного контакта, а самостоятельным автоматом-посредником между двумя одинокими, организующим встречу соединением анкетных перфокарт без привлечения широкого штата специалистов (Л. 46).

[2] В список экспертов попали ученые, журналисты и писатели, которые активно сотрудничали с “Литгазетой” и часто выступали с материалами на ее страницах. Примечательно, что среди них не нашлось психологов, чья роль в чехословацких службах знакомств была ключевой. Подробнее о подборе экспертов и ходе обсуждения см.: (Кулагин, 2024).

Отношение технопессимистов и технооптимистов к применению ЭВМ в службах знакомств выявило разницу представлений о гуманизме, границах человеческого и машинного. Первые видели в технике опасность примитивизации межличностных отношений, вторые – возможность технократического решения, повышавшего вероятность первого контакта и оставлявшего ответственность за его развитие в любовь пользователям.

Вопросу использования ЭВМ уделил особое внимание и председатель круглого стола Тимофеев в своей статье-отчете, опубликованном в “Литгазете” через полтора месяца после закрытого обсуждения в редакции. Конспективно изложив основные аргументы участников беседы, Тимофеев раскритиковал их излишнюю веру в науку, обвинив сторонников кибернетического вмешательства в безнравственности. По его мнению, выбор спутника на основе определенного набора качеств, особенно посредством машины, оскорблял человеческое достоинство. В своей статье Тимофеев резко выступил против любых мер помощи одиноким людям, поскольку они унижали “труд любви” (Тимофеев, 1967, с. 11). С этой точки зрения, кибернетические решения казались верхом алгоритмической бесчеловечности. Отказывая ЭВМ, Тимофеев на деле отказывал одиночеству в статусе серьезной проблемы.

РОЖДЕНИЕ “ЭЛЕКТРОННОЙ СВАХИ”

Следующего материала, продолжившего дискуссию, пришлось ждать два года. Им стала статья “Советчик в любви” Виктора Пекелиса, опубликованная в № 43 “ЛГ” за 1969 г. В статье, написанной в ответ на отчет Тимофеева, Пекелис предложил проанализировать опыт передовых капиталистических стран по использованию “электронных свах”, чьи клиенты заполняли анкеты из 80 вопросов с самоописанием и описанием искомого партнера, которые затем переносились на перфокарты и вводились в ЭВМ для подбора машиной подходящих кандидатов (Пекелис, 1969, с. 12).

Принцип работы алгоритма был скрыт от пользователя, что не мешало машине завоевывать доверие одиночек: за 9 месяцев ее эксплуатации в Гарварде разработчики получили около 90 тысяч запросов от американских студентов (Пекелис, 1969, с. 12–13). Услуга была платной, а цена могла варьироваться в зависимости от привлекательности пользователя. Пекелис, критикуя коммерческий характер “электронной свахи”, чрезмерную объективацию и коммодификацию черт личности, тем не менее аргументировал возможность ее применения в СССР для борьбы с растущим числом одиноких людей и видел в ней средство обеспечения устойчивых браков. Он предложил использовать машину только как советчицу, измеряющую по квантифицируемым показателем оптимальность будущей пары. Переведя вопрос об “электронной свахе” в плоскость технократического решения демографических проблем эпохи “развитого социализма”, Пекелис, казалось, защитил зарубежную технологию от тимофеевских обвинений в аморальности.

Ему возражал математический лингвист из Всесоюзного института научной и технической информации Юрий Шрейдер, назвав предложение Пекелиса “околомашинной спекуляцией” (Шрейдер, 1970, с. 12). Уже в первом январском номере “ЛГ” за 1970 г. он поднял вопрос о том, кто и как будет программировать такую машину. Шрейдер иронизировал над предложением Пекелиса искать каждому “вторую половинку”, вопрошая о возможности обнаружения кибернетиками более современной модели любви, нежели платоновский миф об андрогине, допускающей существование множества потенциальных пар (с. 12).

Таким образом, Шрейдер выразил сомнение в самой идее “оптимальной пары”, утверждая, что критерии совместимости не будут выявлены учеными в ходе исследований, а сконструированы ими. Критикуя сциентистские основания “электронной свахи”, Шрейдер фактически воспроизводил аргументы Посвянского и Атарова: “электронная советчица” исключала ошибки, романтические неудачи и тем самым лишала человека необходимого опыта, что противоречило идеям свободного выбора и ответственной любви, почерпнутой, разумеется, из русской литературы (Шрейдер, 1970, с. 12).

Технопессимистскую линию в прессе поддержал и сержант В. Давиденко в своем письме в “Литгазету”: “Хочу заметить, что одинокие мужчины и женщины – это, как правило, люди пассивные (ленивые) во взаимоотношениях с другими людьми и с окружающим миром. Им мало помогут предложения ЭВМ” (Володин, 1970, с. 13). Так, надежды на калькулирующий разум оказались лакмусом, проявившим конформные личностные черты советского человека. Отказывая проблеме одиночества и “электронной свахе” как методу ее решения, противники простых технологических решений одновременно выстраивали критическую дистанцию от экспертного управления частной жизнью, обличая технократов в консервации архаических представлений о любви.

В 12 номере “Литгазеты” в защиту Пекелиса выступил А. Берг. Отметив, что в ходе дискуссии сторонников применения ЭВМ оказалось все же больше, он предложил разделять трудности разработки пока еще мерцающей технологии и простое сопротивление ей (Берг, 1970, с. 12–13). Боязнь, что “электронная сваха” отнимет у граждан необходимость пользоваться собственным умом и сердцем, была расценена им как экспертный снобизм, недооценка массового потребителя и его способностей понимать консультативный характер машинной помощи. Используя кибернетическую терминологию, он говорил о повышении с помощью ЭВМ управляемости семейных отношений методом исключения “вредных случайностей”, предлагал привлекать социологов и психологов для выяснения перечня причин разводов, который можно было бы учесть при создании “электронной свахи”. Так вопросы устранения стохастических погрешностей и усиления надежности в эксплуатации кибернетических машин превращались в рабочие модели для подбора “оптимальной пары”.

Итог дискуссии в № 24 “ЛГ” за 1971 г. подвел новосибирский социолог Владимир Шляпентох (1971, с. 12). Работая с письмами читателей об одиночестве “электронной свахе”, он обнаружил, что 75% корреспондентов с высшим образованием из крупных городов поддерживали идею об “электронной

советчице”. Хотя в редакторской почте имелись письма с обвинением одиноких людей в слабости и пассивности, большая часть одиноких указывала на напряженный ритм современной жизни, делавший затруднительными спонтанные знакомства. Применение ЭВМ, запрограммированной экспертами, по их мнению, должно было обеспечить лишь поиск оптимальной пары, развитие отношений они оставляли за собой. Результаты социологического анализа, проведенного Шляпентохом, подтверждали высокую степень доверия к новой технологии среди ее потенциальной аудитории.

Начавшись с вопроса о допустимых границах мер борьбы с одиночеством, дискуссия развивалась вокруг вопроса о доверии к экспертам и создаваемым ими моделям – тем, кто обладает властью решать, какие критерии будут внесены в программу и представлены потребителю в виде готовой технологии. Противники “электронной свахи” видели в идее “оптимальной пары” не веяния нового времени, а присущее прошлому доверие авторитетному решению, избавляющего от рисков свободного выбора. Сторонники “электронной свахи” же воспринимали ее как проявление общественной заботы (Шляпентох, 1971, с. 12).

Однако реальная власть не заставила себя ждать. Уже в июне 1971 г. в “Правде” вышла анонимная заметка “Сваты электронной свахи”, обвиняющая инициаторов дискуссии и лично Шляпентоха в покушении на социалистическую мораль. Первый этап дискуссии закончился ее неформальным запретом.

“ЭЛЕКТРОННАЯ СВАХА” ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Снова об “электронной свахе” заговорили спустя 4 года, когда в № 16 “Московского комсомольца” за 1975 г. была напечатана статья старшего научного сотрудника НИИ общих проблем воспитания АПН СССР Александр Меликсетяна “Я за прогнозирование брака”. В статье, сопровождаемой красноречивой иллюстрацией в виде механизированного сердца, пронзенного стрелой-перфокартой, Меликсетян писал о зарубежных службах знакомств (как из социалистического, так и капиталистического лагерей), которым, благодаря использованию ЭВМ, удалось преодолеть случайность встреч и обеспечить высокую прочность браков. Скрадывая перерыв в дискуссии, Меликсетян писал о продолжающейся “довольно оживленной дискуссии” в печати, приводя в пример статьи Пекелиса и Берга конца 1960-х гг., тем самым замалчивая аргументы технопессимистов. На новом этапе дискуссии он не предлагал обсуждать необходимость “электронной свахи”, рассматривая этот как уже пройденный этап, а предлагал заняться выработкой научно обоснованных рекомендаций по созданию модели оптимальной пары, [решив] тем самым вопрос психологической совместимости” (Меликсетян, 1975, с. 4). Использование языка математического моделирования, популярного в разговорах об экономике в 1970-х гг., выдавало рационализаторскую логику будущих служб знакомств, а формулирование проблемы в терминах “психологической совместимости” указывало на дисциплину, которая стала бы поставщиком практических знаний.

Если в конце 1960-х – начале 1970-х гг. еще не было ясно кто станет экспертом, определяющим категории для подбора машиной пар, то к середине 1970-х гг. ответ стал очевидным. Роль главных специалистов по человеческим отношениям, как это было и в других странах соцлагеря, в СССР отводилась психологии. Подходы инженерной психологии, особенно ее космического направления, изучавшей вопросы совместимости людей в рабочих коллективах и замкнутых пространствах, нашли применение и в сфере поиска романтических партнеров[3]. Успешное знакомство оказывалось результатом удачной комбинации индивидуальных психологических характеристик одиноких, найденной "электронной свахой".

Перевод проблемы одиночества в психологическую плоскость открыл возможности для использования психологических техник в целях ее преодоления. Именно личностные тесты, крайне популярные в 1970-х гг. (Ямпольский, 1981, с. 90–99), должны были стать основой рационального подбора пар. Альянс психологического знания и кибернетики стали общим местом в рассуждениях о мерах избавления от одиночества. Философ Юрий Рюриков видел психологическую совместимость главным условием успешных браков (Рюриков, 1975, с. 10–11). Сексопатолог Абрам Свядощ говорил о необходимой работе по "корректировке стереотипа" желанного спутника, которую должен был проводить психолог ("Любит, не любит," 1979, с. 44): именно пси-знание и пси-техники в союзе с машиной составляли два компонента "электронной свахи" во второй половине 1970-х гг.

1970-е гг. стали временем первых попыток организовать меры помощи одиноким. Первым приблизился к осуществлению на практике идеи "электронной свахи" психолог Аркадий Егидес, который возглавлял экспериментальную службу знакомств, организованную при поддержке Моссовета (Федосеева, 1978, с. 13). Главным инструментом знакомства в службе Егидеса была анкета-самоотчет из 260 вопросов. Помимо протокольных сведений о возрасте, росте, месячном заработке и квартирных условиях, в ней спрашивали о любимых книгах, отношении к детям, привычках и взглядах на интимную жизнь. Опросник Егидеса работал не только на персонализацию, но и на типизацию клиентов, переводя индивидуальные различия в стандартизированные и квантифицированные данные. На основе анкеты сотрудники службы надеялись создать тест на совместимость, доверив обработку данных ЭВМ. Они рассчитывали распространить свой подход на другие учреждения и создать московскую сеть со сквозной картотекой на перфокартах, окончательно восполнив социальные разрывы поздней современности, пускай и в рамках одного города (с. 13). Разработка психологических опросников, адаптированных для машинной обработки, стремление выработать универсальный принцип подбора партнера были вдохновлены фантазией об "электронной советчице" и являлись шагом к ее воплощению.

По мере организации государственных служб знакомств в 1980-х гг. идея компьютеризированного поиска партнера продолжала сохраняться. Так, в отчетной

[3] О развитии и сферах приложения инженерной психологии см.: (Gerovitch, 2015; Ilin, 2025).

документации ростовской службы знакомств за 1988 г. в перечне планируемых к добавлению в следующем году видов услуг значилось “внедрение ЭВМ для выбора брачного партнера” (*Отчет о финансово-хозяйственной деятельности*, 1988, Л. 133). Однако, как сообщила одна из бывших сотрудниц в интервью авторам (Е.З., личная беседа, Май 24, 2023), задуманному не суждено было реализоваться. Вместе с тем, столичная служба при Мосгорсправке пользовалась мощностями вычислительного центра коллективного пользования, организованного в службе быта Мосгорисполкома. Таким образом, привносимая ЭВМ возможность познакомиться с таким количеством потенциальных спутников, “с каким Вы не сможете познакомиться за всю свою жизнь” (*Анкета личного знакомства*, 1988, с. 2), становилась привилегией одиноких людей, проживающих в крупных городах. В то же время, стремление к созданию “электронной свахи” выявляло региональное неравенство, обусловленное неравномерным доступом к технике.

В государственных службах знакомств наличие ЭВМ было редкостью. Это определялось институциональной принадлежностью учреждений. Будучи частью служб быта, они не получали достаточного финансирования для использования кибернетической техники на постоянной основе. Иначе обстояло дело с корпоративными службами знакомств. Использование ЭВМ стало отличительной чертой этих служб, постоянно подчеркиваемой в рекламных объявлениях (*Служба знакомств “Зодиак,”* 1989, с. 12). Некоторые из них опирались как на институциональную базу советской кибернетики, в виде вычислительных центров, так и на существовавший советский дискурс о службах знакомств. Так, статья о кооперативной службе знакомств “Служба № 5” гласила, что служба не только консультирует, но и выполняет работу “электронной свахи” (Зотова, 1989, с. 3). Употребление в рекламе в качестве характеристики журналистского ярлыка, родившегося в дискуссии об одиночестве, демонстрировало, с одной стороны, его узнаваемость и распространенность, а с другой – ту легкость, с какой “советские” технологические решения оказывались приспособлены к условиям нарождающегося рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1967 году в главной интеллигентской газете СССР – “Литературной газете” – началась дискуссия об одиночестве. Практически с самого начала вопрос о помощи одиноким получил технократическое измерение. Предметом активных дебатов стал вопрос о допустимости применения ЭВМ для подбора оптимальной пары. Популяризатор кибернетики В. Пекелис при поддержке академика А. Берга оповестили читателей “ЛГ” и участников дискуссии о зарубежном опыте использовании технологии “электронной свахи”. Так на страницах советских газет началось публичное проектирование спекулятивной технологии для поиска партнера.

Носители нового социотехнического воображаемого, определяемого кибернетическим видением общей природы технических и социальных задач (рассматриваемых из перспективы повышения управляемости системы), не видели

специфических преград для применения теории оптимизации к проблеме подбора спутника жизни. Технопессимисты, в свою очередь, признавали необходимость государственных мер помощи одиноким, но исключали возможность использования в них ЭВМ. Исходившая от техники угроза романтической личности и спонтанности в любви побуждала противников кибернетических решений изобретать альтернативу вроде консервативных по форме вечеров знакомств.

Технооптимисты же фиксировали растущее усложнение социальности, к которой человеку становилось все труднее адаптироваться. Они приветствовали машинный подбор как средство оптимизации, избавлявшее от случайностей запутанного мира. Первый этап дискуссии об электронной свахе закончился уже в 1971 году ее неформальным запретом, а собранные новосибирским социологом В. Шляпентохом данные о безусловной поддержке спекулятивной технологии среди одиночек остались проигнорированы властью.

Для создания желанной "электронной советчицы" уже имелась материальная основа в виде кибернетической техники, но не хватало эпистемического движка. Для помощи проекту оптимальной пары на втором этапе дискуссии, развернувшейся во вторую половину 1970-х гг., привлекли психологию. Исследования психологической совместимости должны были помочь выделить параметры, правильное сочетание которых обеспечивало бы устойчивый брак. Тандем ЭВМ и пси-техник дарил утопию полной предсказуемости и управляемости.

История "электронной свахи" проливает свет на границы допустимого в позднесоветском проектировании будущего семьи и брака. Обращение к кибернетике для решения извечного вопроса не привело к пересборке семейных норм и гендерных порядков, равно как и к пугавшему противников технологического прогресса "обуржуазиванию" межличностных отношений. "Семейный эталон", на который нацеливало психологическое знание, раз за разом оказывался гетеросексуальной нуклеарной семьей с патриархальным распределением гендерных ролей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анкета личного знакомства женщиной с мужчиной. (1988). ВСКПМосбыт.

Берг, А. (1970). О любви, машинах и оракулах. *Литературная газета*, *12*, 12–13.

Володин. А. (1970). "Ты тоже где-нибудь один". *Литературная газета*, *8*, 13.

Здравомыслова, Е. А. и Тёмкина, А. А. (2003). Государственное конструирование гендера в советском обществе. *Журнал исследований социальной политики*, *3–4*, 299–321.

Зимирев, М. О. (2023). Научный совет по комплексной проблеме "Кибернетика" при Президиуме АН СССР в 1960–1970-е годы: наука и практики координации. *Социология науки и технологий*, *14*(1), 87–105. https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-1-87-105

Зимирев, М. О. (2024). Незадачи машинной педагогики в СССР 1960-х годов: Вузовская наука между трансфером и координацией. *Вестник Пермского университета. Серия: История*, *3*, 98–110. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-3-98-110

Зотова. М. (1989). ЭВМ против одиночества. *Известия*, *18*, 3.

Калинин, И. (2022). Октябрь электричества. Энергия социализма и электрическая риторика. В И. Калинина, Ю. Мурашева, С. Штретлинг (Ред.), *Энергия: трансформации силы, метаморфозы понятия*. (с. 373–423). Новое литературное обозрение.

Калинин, И. А., Никифорова, Н. В., и Орлова, Г. А. (2022). *Советское энергетическое воображение: электричество, атом, нефть*. Астерион.

Кулагин, М. С. (2024). Изобретение одиночества в позднем СССР: к истории одной дискуссии. *Вестник Пермского университета. История*, *4*, 183–195. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-4-183-195

Любит… не любит? - отвечает ЭВМ (1979). *Техника – молодежи, 7*, 45–50.

Меликсетян, А. (1975). Я за прогнозирование брака. *Московский комсомолец*, *16*, 4.

Орлова, Г. А. (2018). Долгое замыкание: технологические ожидания и (пост)советская ядерная энергетика будущего. *Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*, *3*(3), 38–74. https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-37-74

Отчет о финансово-хозяйственной деятельности п/о “Ростгорсправка”. Дома культуры работников службы быта. п/о “Ростоблобувьбыт”. Горфотофабрики п/о “Луч”. “Ростоблразнобытпрокат”. “Ритуал” (1988). Государственный архив Ростовской области (ГАРО). ф. Р-4393. о. 1. д. 1675. 133, Ростов-на-Дону, Россия.

Пекелис, В. (1969). Советчик в любви? *Литературная газета*, *43*, 12–13.

Пекелис, В. (1970). *Кибернетическая смесь*. Знание.

Пекелис, В. (1973). *Твои возможности. человек!* Знание.

Пекелису Виктору Давыдовичу. (1967). Архив Российской академии наук (АРАН). ф. 1810. о. 1. д. 218. 1, Москва, Россия.

Проблемы применения АСУ на производстве. (1970). *ЕСО*, *2*, 128–164.

Ректорисова, М. (1967). Средство против одиночества? *Литературная газета*, *23*, 13.

Рюриков, Ю. (1975). Семейная жизнь. *Неделя*, *42*, 10–11.

Сафронов А. В. (2020). Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты учёных и нужды практиков. *Социология науки и технологий*, *11* (3), 22–41. https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13002

Служба знакомств “Зодиак”. (1989). *Советская культура*. *105*. 12.

Стенограмма заседания “за круглым столом” по обсуждению статьи М. Ректорисовой “Средство против одиночества”, опубликованной в № 23 газеты за 1967 г. (1967). Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). ф. 634. о. 5. д. 1329. 36, 41, 42, 45, 46, 53, 65, 69, Москва, Россия.

Тимофеев. Ю. (1967). Высокое и трудное бремя чувств. *Литературная газета*, *12*, 11.

Федосеева, Е. (1978). СМ-120 хотел бы назначить свидание СЖ-40. Из опыта работы секции супружеских знакомств. *Литературная газета*, *43*, 13.

Шляпентох, В. (1971). Знакомства и свадьбы (социологический анализ материалов одной дискуссии). *Литературная газета*, *24*, 12.

Шрейдер, Ю. (1970). Любовь к оракулам. *Литературная газета*, *1*, 12.

Ямпольский, Л. (1981). Анализ структуры связей шкал личностных опросников. *Вопросы психологии*, *2*, 90–99.

Babička, M. (2023). A “Right to Sadness”: Late Socialist Environmentalism between Technocracy and Romanticism and the Czech Nature Writer Jaromír Tomeček. *Kontradikce*, *6*(2), 67–90. https://doi.org/10.46957/con.2022.2.4

Beck, S., Jasanoff, S., Stirling, A., & Polzin, C. (2021). The governance of sociotechnical transformations to sustainability. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, *49*, 143–152. https://doi.org/10.1016/j.cosust.2021.04.010

Boretska, V. (2019). Johnny and Ivan learning in a programmed way: The Soviet reinvention of one American technology. *International Journal for the Historiography of Education*, *1*, 29–46.

Eyal, G. (2000). Anti-Politics and the Spirit of Capitalism: Dissidents, Monetarists, and the Czech. Transition to Capitalism. *Theory and Society*, *29*(1), 49–92. https://doi.org/10.1023/A:1007086330378.

Galmarini-Kabala, M. C. (2016). *The right to be helped: deviance, entitlement, and the Soviet moral order*. Northern Illinois University Press. https://doi.org/10.1017/slr.2018.56

Gerovitch, S. (2002). *From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics*. The MIT Press. https://doi.org/10.7551/MITPRESS/3137.001.0001

Gerovitch, S. (2015). *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*. University of Pittsburgh Press.

Huxtable, S. (2022) *News from Moscow: Soviet Journalism and the Limits of Postwar Reform*. Oxford University Press.

Ilin, A. [Forthcoming] (2025). Operating Yachts and Spaceships: Soviet Engineering Psychology and the Space Program. In V. Lehmbrock & M. Wieser (Eds.) *Varieties of Psychologization in Communist Europe*. Oxford University Press.

Jasanoff, S. (2015). Future Imperfect: Science, Technology, and the Imaginations of Modernity. In S. Jasanoff & S.-H. Kim (Eds.) *Dreamscapes of Modernity. Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. (pp. 1–33). https://doi.org/10.7208/CHICAGO/9780226276663.003.0001

Kotomina, A., & Milburn, C. (2024). Speculative Technologies: Here and Now, There and Then. *Technology and Language*, *5*(3). 1–9. https://doi.org/10.48417/technolang.2024.03.01

Kozlov, D. (2013). *The Readers of Noviy Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*. Harvard university press.

Leeds, A. E. (2016). Dreams in cybernetic fugue: Cold War technoscience, the intelligentsia, and the birth of Soviet mathematical economics. *Historical Studies in the Natural Sciences*, *5*, 633–668. https://doi.org/10.1525/HSNS.2016.46.5.633

Nakachi, M. (2021). *Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union*. Oxford university press.

Peters, B. (2012). Normalizing Soviet Cybernetics. *Information & Culture: A Journal of History*, *47*(2),145–175. https://doi.org/10.1353/lac.2012.0009

Petrov, V. (2023). *Balkan Cyberia: Cold War Computing, Bulgarian Modernization, and the Information Age behind the Iron Curtain*. The MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/14212.001.0001

Weizenbaum, J. (1976). *Computer Power and Human Reason. From Judgment to Calculation*. W. H. Freeman and Company.

Weizenbaum, J. (1995). The Myth of the Last Metaphor. In P. Baumgartner & S. Payr (Eds.), *Speaking minds: Interviews with twenty cognitive scientists*. (pp. 249–264). Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400863969.249

West, D. K. (2019). The Cybernetic Eye: Scientific Planning in the Soviet Mikroraion. *The Journal of Architecture*, *5*, 699–717. https://doi.org/10.1080/13602365.2019.1667402

REFERENCES

Anketa lichnogo znakomstva zhenshchiny s muzhchinoj [The Questionnaire of a Woman's Personal Acquaintance with a Man] (1988). VCKPMosbyt.

Babička, M. (2023). A "Right to Sadness": Late Socialist Environmentalism between Technocracy and Romanticism and the Czech Nature Writer Jaromír Tomeček. *Kontradikce*, *6*(2), 67–90. https://doi.org/10.46957/con.2022.2.4

Beck, S., Jasanoff, S., Stirling, A., & Polzin, C. (2021). The Governance of Sociotechnical Transformations to Sustainability. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, *49*, 143–152. https://doi.org/10.1016/j.cosust.2021.04.010

Berg, A. (1970). O lyubvi, mashinah i orakulah [About Love, Cars and Oracles]. *Literary newspaper, 12*, 12–13.

Boretska, V. (2019). Johnny and Ivan learning in a Programmed Way: The Soviet Reinvention of one American Technology. *International Journal for the Historiography of Education*, *1*, 29–46.

Eyal, G. (2000). Anti-Politics and the Spirit of Capitalism: Dissidents, Monetarists, and the Czech. Transition to Capitalism. *Theory and Society*, *29*(1), 49–92. https://doi.org/10.1023/A:1007086330378

Fedoseeva, E. (1978). SM-120 hotel by naznachit' svidanie SZH-40. Iz opyta raboty sekcii supruzheskih znakomstv [SM-120 Would Like to Make an Appointment with CW-40. From the Experience of the Marital Dating Section]. *Literary newspaper, 43*, 13.

Galmarini-Kabala, M. C. (2016). *The Right to be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order*. Northern Illinois University Press. https://doi.org/10.1017/slr.2018.56

Gerovitch, S. (2002). *From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics*. The MIT Press. https://doi.org/10.7551/MITPRESS/3137.001.0001

Gerovitch, S. (2015). *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*. University of Pittsburgh Press.

Huxtable, S. (2022). *News from Moscow: Soviet Journalism and the Limits of Postwar Reform*. Oxford University Press.

Ilin, A. [Forthcoming] (2025). Operating Yachts and Spaceships: Soviet Engineering Psychology and the Space Program. In V. Lehmbrock & M. Wieser (Eds.) *Varieties of Psychologization in Communist Europe*. Oxford University Press.

Jasanoff, S. (2015). Future Imperfect: Science, Technology, and the Imaginations of Modernity. In S. Jasanoff & S.-H. Kim (Eds.), *Dreamscapes of Modernity. Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power* (pp. 1–33). https://doi.org/10.7208/CHICAGO/9780226276663.003.0001

Kalinin, I. (2022). Oktyabr' elektrichestva. Energiya socializma i elektricheskaya ritorika [The October of Electricity. The Energy of Socialism and Electric Rhetoric]. In I. Kalinina, Yu. Murasheva, S. Shtretling (Eds.) *Energy: transformations of force, metamorphosis of the concept* (pp. 373–423). Novoe literaturnoe obozrenie.

Kalinin, I. A., Nikiforova, N. V., Orlova, G. A. (2022). *Sovetskoe energeticheskoe voobrazhenie: elektrichestvo, atom, neft'* [*Soviet Energy Imagination: Electricity, Atom, Oil*]. Asterion.

Kotomina, A., & Milburn, C. (2024). Speculative Technologies: Here and Now, There and Then. *Technology and Language*, *5*(3). 1–9. https://doi.org/10.48417/technolang.2024.03.01

Kozlov, D. (2013). *The readers of Noviy Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*. Harvard University Press.

Kulagin, M. S. (2024). Izobretenie odinochestva v pozdnem SSSR: k istorii odnoj diskussii [The Invention of Loneliness in the Late USSR: Towards a History of One Discussion]. *Bulletin of Perm University. History*, *4*, 183–195. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-4-183-195

Leeds, A. E. (2016). Dreams in cybernetic fugue: Cold War technoscience, the intelligentsia, and the birth of Soviet mathematical economics. *Historical Studies in the Natural Sciences*, *5*, 633–668. https://doi.org/10.1525/HSNS.2016.46.5.633

Lyubit, ne lyubit? - otvechaet EVM [Does he Love or Dislike? - the Computer Responds]. (1979). *Tekhnika – molodezhi*, *7*, 45–50.

Meliksetyan, A. (1975). YA za prognozirovanie braka [I am in Favor of Predicting Marriage]. *Moskovsky Komsomolets*, *16*, 4.

Nakachi, M. (2021). *Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union*. Oxford university press.

Orlova, G. A. (2018). Dolgoe zamykanie: tekhnologicheskie ozhidaniya i (post)sovetskaya yadernaya energetika budushchego [The Long Short Circuit: Technological Expectations and the (Post)Soviet Nuclear Power Future]. *Practices*

and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies, 3(3), 38–74. https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-37-74

Otchet o finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti p/o “Rostgorspravka”, Doma kul'utry rabotnikov sluzhby byta, p/o “Rostoblobuv'byt”, Gorfotofabriki p/o “Luch”, “Rostoblraznobytprokat”, “Ritual” [Report on financial and economic activity of “Rostgorspravka”, House of Culture of Household Service Workers, “Rostoblobuvibyt”, Gorfotofabrika, “Luch”, Rostoblraznobytprokat, “Ritual”] (1988). Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO). f. R-4393, o. 1, d. 1675. 133, Rostov-on-Don, Russia.

Pekelis, V. (1969). Sovetchik v lyubvi?... [A Love Counselor?...]. *Literary newspaper, 43*, 12–13.

Pekelis, V. (1970). *Kiberneticheskaya smes*' [A Cybernetic Mix]. Znanie.

Pekelis, V. (1973). *Tvoi vozmozhnosti, chelovek!* [Your Capabilities, Human!]. Znanie.

Pekelisu Viktoru Davydovichu [To Pekelis Viktor Davydovich]. (1967). Arhiv Rossijskoj Akademii nauk (ARAN). f. 1810, o. 1, d. 218, 1, Moscow, Russia.

Peters, B. (2012). Normalizing Soviet Cybernetics. *Information & Culture: A Journal of History, 47*(2),145–175. https://doi.org/10.1353/lac.2012.0009

Petrov, V. (2023). *Balkan Cyberia: Cold War Computing, Bulgarian Modernization, and the Information Age behind the Iron Curtain*. The MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/14212.001.0001

Problemy primeneniya ASU na proizvodstve [Problems of Using Automated Control Systems in Production] (1970). *ECO* [Economics and Organization of Industrial Production], *2*, 128–164.

Rektorisova, M. (1967). Sredstvo protiv odinochestva? [A Remedy for Loneliness?]. *Literary newspaper, 23*, 13.

Ryurikov, YU. (1975). Semejnaya zhizn' [Family Life]. *Nedelya, 42*. 10–11.

Safronov, A. V. (2020). Komp'yuterizaciya upravleniya planovoj ekonomikoj v SSSR: proekty uchenyh i nuzhdy praktikov [Computerization of the Planned Economy in the USSR: Projects of Scientists and the Needs of Practitioners]. *Sociology of Science and Technology, 11*(3), 22–41. https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13002

SHlyapentoh, V. (1971). Znakomstva i svad'by (sociologicheskij analiz materialov odnoj diskussii) [Dating and Weddings (Sociological Analysis of the Materials of one Discussion)]. *Literary newspaper, 24*, 12.

SHrejder, YU. (1970). Lyubov' k orakulam [Love to the Oracles]. *Literary newspaper, 1*, 12.

Sluzhba znakomstv “Zodiak” [“Zodiac” Dating Service] (1989). *Sovetskaya kul'tura, 105*, 12.

Stenogramma zasedaniya “za kruglym stolom” po obsuzhdeniyu stat'i M. Rektorisovoj ”Sredstvo protiv odinochestva”, opublikovannoj v № 23 gazety za 1967 g. [Transcript of the round table meeting on the discussion of M. Rectorisova's article “A remedy for loneliness”, published in No. 23 of the newspaper in 1967] (1967). *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI)*. f. 634. o. 5. d. 1329. 36, 41, 42, 45, 46, 53, 65, 69, Mosow, Russia.

Timofeev, YU. (1967). Vysokoe i trudnoe bremya chuvstv [A High and Difficult Burden of Feelings]. *Literary newspaper*, *12*, 11.

Volodin, A. (1970). “Ty tozhe gde-nibud' odin” [“You are Alone Somewhere too”]. *Literary newspaper*, *8*, 13.

Weizenbaum, J. (1976). *Computer Power and Human Reason. From Judgment to Calculation*. W. H. Freeman and Company.

Weizenbaum, J. (1995). The Myth of the Last Metaphor. In P. Baumgartner & S. Payr (Eds.), *Speaking minds: Interviews with twenty cognitive scientists*. (pp. 249–264). Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400863969.249

West, D. K. (2019). The Cybernetic Eye: Scientific Planning in the Soviet Mikroraion. *The Journal of Architecture*, *5*, 699–717. https://doi.org/10.1080/13602365.2019.1667402

YAmpol'skij, L. (1981). Analiz struktury svyazej shkal lichnostnyh oprosnikov [Analysis of the Relationship Structure of the Scales of Personality Questionnaires]. *Voprosy psihologii*, *2*, 90–99.

Zdravomyslova, E. A., & Tyomkina, A. A. (2003). Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society]. *Journal of Social Policy Research*, *3–4*, 299–321.

Zimirev, M. O. (2023). Nauchnyj sovet po kompleksnoj probleme “Kibernetika” pri Prezidiume AN SSSR v 1960–1970-e gody: nauka i praktiki koordinacii [Scientific Council on the complex problem “Cybernetics” at the Presidium of the USSR Academy of Sciences in the 1960s–1970s: science and coordination practices]. *Sociology of Science and Technology*, *14*(1), 87–105. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-3-98-110

Zimirev, M. O. (2024). Nezadachi mashinnoj pedagogiki v SSSR 1960-h godov: Vuzovskaya nauka mezhdu transferom i koordinaciej [Machine learning obstacles in the USSR in the 1960s: university science betwe*Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [*Bulletin of Perm University. History*, *3*, 98–110. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-3-98-110

Zotova, M. (1989). EVM protiv odinochestva [Computers against Loneliness]. *Izvestiya*, *18*, 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Михаил Сергеевич Кулагин, kulagin.mi@mail.ru
ORCID ORCID 0000-0003-2687-9458

Михаил Олегович Зимирев, zimirev.mo@mipt.ru
ORCID 0000-0002-5795-1486

Mikhail Kulagin, kulagin.mi@mail.ru
ORCID 0000-0003-2687-9458

Mikhail Zimirev, zimirev.mo@mipt.ru
ORCID 0000-0002-5795-1486

Статья поступила 4 февраля 2025
одобрена после рецензирования 16 марта 2025
принята к публикации 17 марта 2025

Received: 4 Febrary 2025
Revised: 16 March 2025
Accepted: 17 March 2025